DOI 10.22394/1726-1139-2021-7-29-38

Партнерство государства и бизнеса в современных условиях: перспективы трансформации*

Плотников В. А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; plotnikov_2000@mail.ru

РЕФЕРАТ

Усложнение экономики и рост неопределенности, а также необходимость решения амбициозных задач, направленных на достижение стратегических национальных целей развития, вынуждают осуществлять поиск новых форм и механизмов запуска долгосрочного экономического роста. Одним из таких механизмов является государственно-частное партнерство, понимаемое в статье в широком смысле как обширный набор форм взаимовыгодного взаимодействия государства и бизнеса. В статье проведен анализ предпосылок активизации партнерства в современной российской экономике и дана оценка направлений его трансформации.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, экономическая политика, экономические интересы, экономический рост, смешанная экономика

Для цитирования: *Плотников В. А.* Партнерство государства и бизнеса в современных условиях: перспективы трансформации // Управленческое консультирование. 2021. № 7. С. 29–38.

State-Business Partnership in Modern Conditions: Prospects for Transformation

Vladimir A. Plotnikov

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; plotnikov_2000@mail.ru

ABSTRACT

The complexity of the economy and the increase in uncertainty, as well as the need to solve ambitious tasks aimed at achieving strategic national development goals, force us to search for new forms and mechanisms for starting long-term economic growth. One such mechanism is public-private partnership, understood in the article in a broad sense, as an extensive set of forms of mutually beneficial interaction between the state and business. The article analyses the prerequisites of intensifying partnership in the modern Russian economy and assesses the directions of its transformation.

Keywords: public-private partnership, economic policy, economic interests, economic growth, mixed economy

For citing: Plotnikov V. A. State-Business Partnership in Modern Conditions: Prospects for Transformation // Administrative consulting. 2021. N 7. P. 29–38.

---

* Статья представляет собой переработанную и дополненную по итогам дискуссии версию доклада автора на международной научной конференции «Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности», 20–21 мая 2021 г., г. Санкт-Петербург.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность» (рег. № 121042600253-4).

Проблематика, вынесенная в название статьи, не является новой. Практически в течение всего периода существования экономической теории, как самостоятельной научной дисциплины, в ней не утихает дискуссия относительно того, какое начало в регулировании хозяйственных процессов должно преобладать: либо централизованное государственное (плановое), либо децентрализованное частнопредпринимательское (рыночное) (см., например, [3; 7; 8; 9 и др.]).

Особенно острой эта дискуссия была в российской экономической науке в первое десятилетие после распада СССР и образования на базе его национальных республик 15 новых суверенных государств. В этот период происходил эмпирический поиск новой экономической модели, который не мог обойтись без попыток ее теоретического осмысления.

Безусловно, это обострение дискуссии было оправдано не только сугубо теоретическими причинами, но и практическими. Разворот от планово-административной модели советской экономики к имевшей на тот момент весьма общие очертания модели рыночной не только требовал проработки, но и институционального закрепления с тем, чтобы как можно скорее сделать эти «расплывчатые очертания» более четкими и избавить хозяйствующих субъектов от высокой степени неопределенности переходного периода, которая замораживала экономическую активность, повышала ставки дисконтирования по реализуемым проектам, ограничивая активность в реальном секторе экономики, и — в конечном итоге — блокировала развитие.

Степень этой блокировки была весьма существенной. Переход от плана к рынку (или, что в рассматриваемом контексте равнозначно, от социализма к капитализму) сопровождался драматическим обвалом экономики и резким снижением качества и уровня жизни населения. Надо сказать, что официальная статистика, изложу здесь свое личное мнение, намеренно скрывает трудности переходного периода и разрушительное влияние рыночных реформ на экономику нашей страны. Поясним это на конкретном примере.

Несколько лет назад обновился сайт Росстата. Ранее существовавший сайт gks.ru более недоступен. Теперь действует сайт rosstat.gov.ru. Но произошло не только изменение дизайна этого ресурса, его разработчики постарались — и весьма успешно — «подредактировать» контент. Все статистические данные за период ранее 1995 г. были удалены из публичного доступа. В итоге новым поколениям исследователей «преподносится» искаженный взгляд на новейшую экономическую историю России.

Поясним это двумя графиками, приведенными на рис. 1 и 2.

На рис. 1 представлена динамика индекса физического объема валового внутреннего продукта РФ (в процентах к 1995 г., принятому за 100%), исчисленного в рублях и построенная по официальным данным Росстата. Легко увидеть, что ситуация в российской экономике весьма оптимистичная. Страна развивается, экономика растет, хотя и не без некоторых временных замедлений и даже провалов. Но они в экономике рыночного типа, которая, как известно, развивается циклично, вполне естественны.

Эта динамика неплохо ($R^2 = 0{,}9263$) аппроксимируется линейным трендом. Хотя при этом четко видно, что начиная с 2015 г. производство ВВП в РФ начинает замедляться, а «ковидный» 2020 г. дал скачкообразное одномоментное замедление динамики роста. Но это, так сказать, очевидные внешние негативные влияния, которые можно списать на антироссийские санкции, а затем — на пандемию. Это — объективные факторы, неконтролируемые или ограниченно контролируемые властями.

Далее обратимся к рис. 2. Здесь приведен более длинный временной ряд, к сожалению, недоступный более для ознакомления и анализа в российской статистике. Для построения этого графика мы использовали данные из базы «World development

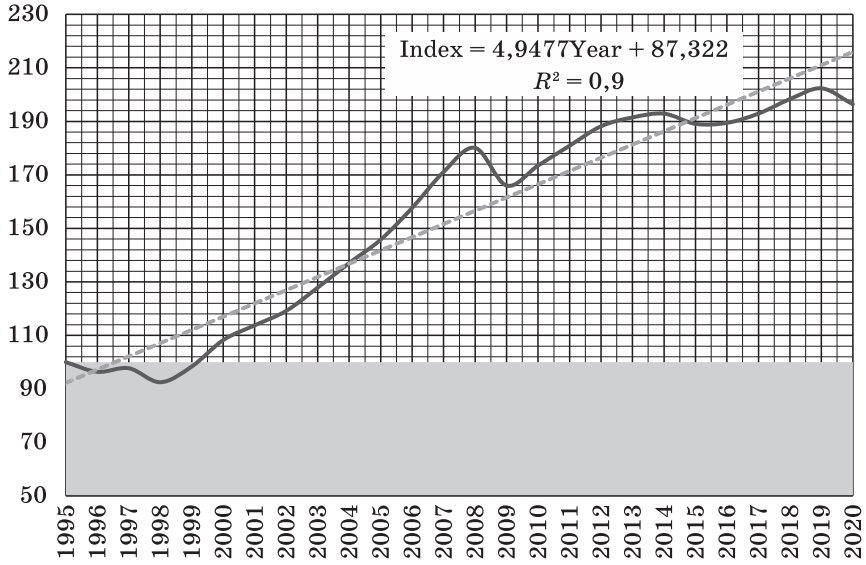

Рис. 1. Индекс физического объема ВВП РФ в процентах, 1995 г. принят за 100% (построено автором по данным Росстата)
Fig. 1. Index of Vol. of GDP of the Russian Federation as a percentage, 1995 is accepted as 100%

indicators», которую размещает на своем интернет-сайте в открытом доступе Всемирный банк. И здесь картина «постреформенных успехов» уже выглядит совершенно иначе.

Следствием рыночных, якобы успешных, реформ 1990-х гг. стало то, что на уровень 1990 г. российская экономика по объему производства ВВП вышла лишь в 2007 г. Да, действительно (и это хорошо видно и на рис. 1, и на рис. 2), непосредственно в 1997 г. в динамике российского ВВП впервые намечается некая положительная динамика, которая прерывается падением в 1998 г., после чего начинается достаточно длительный период положительных темпов роста (исчисленных по базовому индексу).

Нас можно упрекнуть в необъективности данных, использованных для построения графика, приведенного на рис. 2. Это сомнение связано с тем, что измерение внутристрановых показателей в международных долларах, даже с учетом паритета покупательной способности, может оказаться неточным из-за погрешностей валютных пересчетов, изменения корзин торгуемых/неторгуемых товаров, специфики структуры внутреннего потребления и т. д.[1]

Мы полностью разделяем эти сомнения. Для того чтобы снять их, мы рассчитали значение коэффициента корреляции Пирсона для двух рядов наблюдений, положен-

[1] Характерным примером этой возможной необъективности является известная фраза американского президента Б. Обамы, по мнению которого, широко растиражированному СМИ, экономика России введенными против нее санкциями была «разорвана в клочья». У российского наблюдателя это экспрессивное высказывание может вызвать разве лишь недоумение. Графики на рис. 1 и 2 показывают, что никакого особого драматизма в динамике ВВП РФ в 2014–2015 гг. не наблюдалось. Но если рассматривать ту же динамику, пересчитывая размер ВВП РФ из рублей в доллары США по текущему рыночному обменному курсу, то, действительно, окажется, что падение было. И оно было существенным.

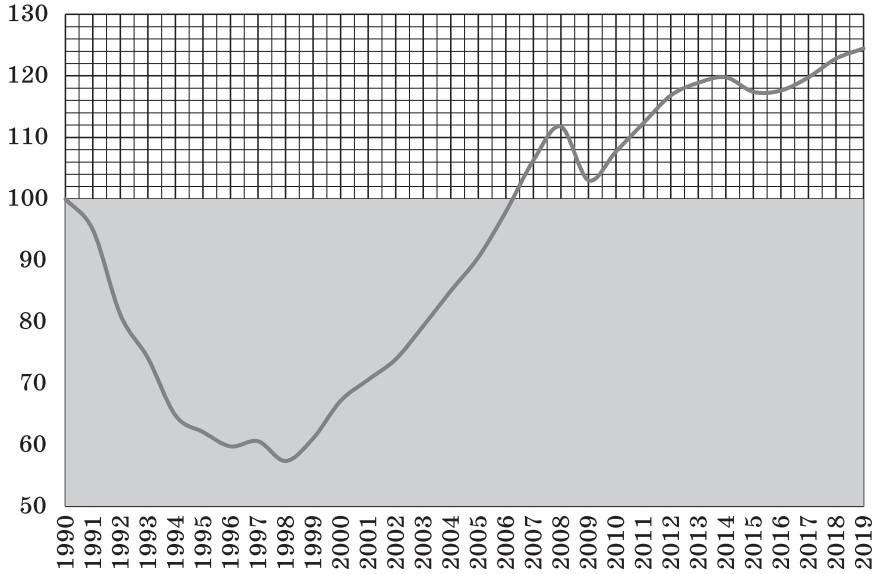

Рис. 2. Индекс ВВП РФ в процентах, 1990 г. принят за 100%, исчисленный по паритету покупательной способности в «постоянных международных американских долларах 2017 г.» (построено автором по данным Всемирного банка)
Fig. 2. The GDP index of the Russian Federation as a percentage, in 1990 is accepted as 100%, calculated at purchasing power parity in “constant international American dollars 2017”

ных в основу построения рассмотренных нами графиков, приведенных на рис. 1 и 2. Исходные данные для расчетов приведены в таблице. Использованы периоды, за которые есть данные и у Росстата, и у Всемирного банка: 1995–2019 гг. (табл.)

Коэффициент корреляции Пирсона, рассчитанный по приведенным в таблице данным, имеет значение $r_{xy} = 0{,}99996$. В данном случае мы специально использовали такую «сверхвысокую» точность расчетов — до пятого знака после запятой. Строго говоря, с методических экономических позиций она бессмысленна, так как точность исходных данных гораздо ниже. Но мы поставили целью показать — насколько незначительны различия в динамике двух рассмотренных временных рядов.

Если же использовать более разумное округление рассчитанного коэффициента — до 1–2 знаков после запятой, оказывается, что $r_{xy} = 1$. Следовательно, высказанная нами выше гипотеза о возможной несостоятельности использования статистики Всемирного банка по российскому ВВП для адекватного описания процессов в российской экономике — не подтвердилась. Международная и внутрироссийская статистика динамики ВВП не имеют никаких практически значимых отличий.

То есть до 2007 г. реального экономического роста в России не было, наблюдалось лишь разрушение экономики, а затем — постепенное и медленное восстановление народнохозяйственного комплекса после шока, вызванного радикальными рыночными реформами, реализованными после распада СССР. Для завершения этого тезиса подсчитаем среднегодовые темпы роста российского ВВП за последние 29 лет, за период с 1990 по 2019 гг., используя данные Всемирного банка:

$$I_{1990-2019} = \left(i_{2019/1990}\right)^{1/29} = 1{,}245^{1/29} = 1{,}0076,$$

Таблица

Исходные данные для построения коэффициента корреляции

Table. Input data for constructing correlation coefficient

Год	1	2
1995	100,0	62,1
1996	96,4	59,8
1997	97,7	60,6
1998	92,5	57,4
1999	98,4	61,1
2000	108,3	67,2
2001	113,8	70,6
2002	119,2	73,9
2003	127,9	79,3
2004	137,0	85,0
2005	145,8	90,5
2006	157,7	97,9
2007	171,1	106,2
2008	180,1	111,8
2009	166,0	103,0
2010	173,5	107,7
2011	180,9	112,3
2012	188,2	116,8
2013	191,5	118,9
2014	192,9	119,8
2015	189,1	117,4
2016	189,4	117,6
2017	192,9	119,8
2018	198,3	122,8
2019	202,3	124,5

Примечания:

1. Строка 1 — Индекс физического объема ВВП РФ, в процентах, 1995 г. принят за 100% (данные Росстата).
2. Строка 2 — Индекс ВВП РФ, в процентах, 1990 г. принят за 100%, исчисленного по паритету покупательной способности в «постоянных международных американских долларах 2017 г.» (данные Всемирного банка).

т. е. среднегодовой индекс роста за последние почти 30 лет составил 100,76%. Это — ничтожно малая величина.

Какой вывод можно сделать из представленных данных? Проведение непродуманных и неэффективных рыночных реформ в постсоветской России отбросило ее в развитии на 30 лет, в течение которых наши конкуренты — другие страны мира — развивались. Данным выводом мы нисколько не отвергаем необходимость реформ, не подвергаем сомнения эффективность — в некоторых случаях — рыночной системы хозяйствования. Мы лишь проводим количественный анализ полученных вследствие реформ экономических результатов, которые говорят сами за себя.

Итак, другие страны мира — наши геополитические и геоэкономические соперники — в этот период, пусть и разными темпами, но развивались. На этом фоне мы приходим к выводу, что амбициозные цели национального развития, сформулированные президентской командой и озвученные в известных Указах, которые в последние годы активно обсуждаются, это — острейшая необходимость. Необходимость, критически значимая для Российской Федерации и для ее будущего.

Сегодняшней России нужен толчок, ускорение в развитии, необходим запуск механизмов долгосрочного роста. При этом исходить надо из тех институциональных реалий, которые мы имеем. Возврат к советской системе хозяйствования и управления народнохозяйственными процессами мы считаем невозможным. Он возможен лишь теоретически, на практике же, если удастся его осуществить, чего нам категорически не хотелось бы, он, скорее всего, вызовет очередную социальную революцию, которая вновь отбросит нас в развитии на десятилетия.

Итак, мы должны исходить из того, что в России сформирована уникальная модель смешанной экономики [4; 10]. И в рамках этой модели необходимо выстроить механизмы, позволяющие существенно ускорить темпы экономического роста и дать импульс для изменения качества социально-экономической динамики. Так как план и рынок как системообразующие институты экономической модели присутствуют одновременно, то открывается возможность изучения их возможных сочетаний. Именно такого рода исследовательский подход и лежит в основе авторского анализа.

С чем связана необходимость такого рода подхода? Как указывалось выше, акцент в проводимой экономической политике на рыночные механизмы в расчете

на самоорганизацию экономики и самозапуск механизмов роста в России не дал результатов. Почему — это отдельный вопрос, который выходит за рамки нашего анализа. Но то, что «чистый рынок» в России неэффективен, убедительно доказывают приведенные нами статистические данные и их интерпретация.

С позиций управленческих, системных начало подъема российской экономики, которое хорошо просматривается на рис. 1, связано с усилением роли государства, некоторым отказом от идеологии «рыночного фундаментализма». Но дальнейшее усиление государства и переход, как призывают некоторые авторы, к модели мобилизационной экономики, основанной на контроле за экономическими ресурсами со стороны государства, также не выглядит привлекательной альтернативой.

К сожалению, крупные проекты, реализовывавшиеся в России в последние годы с использованием государственного или квазигосударственного финансирования, омрачены серьезными коррупционными скандалами. Назовем лишь два примера, но вполне характерных и широко известных:

- строительство космодрома «Восточный» в Амурской области («украден каждый десятый рубль, выделенный из бюджета на строительство космодрома Восточный… Общая сумма присвоенного — 11 млрд руб.»[1]);
- строительство футбольного стадиона «Газпром Арена» в Санкт-Петербурге.

К сожалению, имеющиеся механизмы контроля за чиновниками, распределяющими ресурсы, весьма несовершенны, а в ряде случаев и вовсе отсутствуют, что порождает значительные риски потенциального усиления централизованного планово-административного начала в экономике. В сложившейся ситуации, очевидно, необходим поиск некого сочетания интересов частного бизнеса и государства, являющегося выразителем общественных интересов [1; 2; 12 и др.]. То есть речь идет о государственно-частном партнерстве (ГЧП).

Попробуем уточнить сущность этой категории. И для этого имеются правовые источники. В ст. 3 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ указано:

«Государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство — [это] юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества».

С прикладных позиций эта формулировка кажется весьма удачной в силу ее конкретности и довольно значительного смыслового наполнения. Но, по нашему мнению, эта трактовка чересчур узка с позиций теоретических и — что гораздо более важно — с позиций использования ГЧП как механизма достижения национальных целей развития, запуска в России долгосрочного роста.

В этой трактовке в качестве ГЧП признаются лишь те соглашения, которые подписаны между государством и бизнесом на основании упомянутого федерального закона. Это противоречит имеющейся практике. В том числе практике государственного управления, имеющейся в Российской Федерации. Например, на официальном интернет-сайте Минэкономразвития России указано:

---

[1] Космодром Восточный недосчитался миллиардов [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4155859 (дата обращения: 12.03.2021).

«В настоящее время механизмы государственно-частного партнерства получают широкое распространение в Российской Федерации и включают в себя ряд форм сотрудничества, позволяющих государству и частному сектору извлекать взаимную выгоду в том числе: концессионные соглашения, заключаемые в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»; соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключаемые в соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1].

То есть даже государственный орган, ответственный за институциональное сопровождение проектов ГЧП в стране, использует расширительную трактовку этого термина. Это кажущееся противоречие связано с природой партнерских отношений. С позиций юридических, они строятся на нормах частного права, когда субъекты отношений равны между собой и достигают соглашений о тех или иных действиях на основе взаимного учета интересов участников партнерства.

Если это требование не будет удовлетворено, партнер, интересы которого не соблюдаются, попросту покинет партнерство, которое после этого прекратит свое существование. И концессии, и «классические» ГЧП строятся на одинаковых партнерских принципах, поэтому могут рассматриваться в расширительном смысле как несколько отличающиеся по юридической форме разновидности ГЧП.

По нашему мнению, разграничительным признаком, демаркирующим «ГЧП» (в наиболее широком его понимании) от «неГЧП», является использование в соответствующем взаимодействии публичного и частного партнеров в качестве доминирующих норм частного (в случае ГЧП) или публичного (для «неГЧП») права.

«Для публичного права характерны: одностороннее волеизъявление; субординация субъектов и правовых актов; преобладание императивных норм; ориентация на удовлетворение общественного интереса. Для частного права характерны: свободное двустороннее волеизъявление, использование договорной формы регулирования; равенство сторон; преобладание диспозитивных норм; ориентация на удовлетворение частных интересов»[2].

Специфика ГЧП (в предлагаемой широкой трактовке) состоит в том, что в нем находят соединение нормы и частного (ассоциируемого в экономике с рынком), и публичного (ассоциируемого в экономике с централизованным планированием) права. То есть юридическая конструкция ГЧП — это своеобразный правовой аналог смешанной экономики, причем, как и в случае экономики, степень и пропорции этого смешения всякий раз могут существенно различаться.

Следовательно, государственно-частное партнерство правомерно рассматривать как форму интеграции планового и рыночного управления в экономике. Причем эта интеграция складывается не стихийно, а осознанно конструируется партнерами, действующими, с одной стороны, в рамках имеющегося институционального поля, а с другой стороны, четко соблюдающих свои интересы, которые для частного партнера (как следует из теории частного права) являются преимущественно имущественными (экономическими), а для публичного (как следует из теории публичного права) — общественно значимыми (неэкономическими).

---

[1] [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d18/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo (дата обращения: 12.03.2021).

[2] [Электронный ресурс]. URL: https://www.grandars.ru/ college/pravovedenie/chastnoe-pravo.html:~:text=Частное%20право%20—%20это%20упорядоченная%20совокупность,органов%20государственной% 20власти%20и%20управления (дата обращения: 12.03.2021).

Особенностью реализуемых (а в большей степени — обсуждаемых) в последние годы в России проектов ГЧП является то, что приведенное разделение интересов все чаще становится довольно условным. Происходит своеобразное размывание границ интересов: государственные органы все чаще декларируют важность финансовых результатов, получаемых в проектах ГЧП, а частный бизнес — стремление к общественной выгоде в рамках собственных представлений о корпоративной социальной ответственности.

Поясним эти рассуждения конкретным примером. По оценкам Ростуризма, программа туристического кэшбека, запущенная в сотрудничестве с платежной системой «МИР», как комплексная мера поддержки турбизнеса в условиях пандемии COVID-19, потребовала в 2020 г. около 1,2 млрд руб. бюджетных затрат. При этом поток расходов внутренних туристов, сформированный благодаря кэшбеку, по оценкам, составил около 13 млрд руб.

С учетом того, что с этого оборота были уплачены налоги, а также учитывая уровень налоговой нагрузки отрасли, можно сделать вывод, что туристический кэшбек себя полностью окупил. Этот проект оказался вполне успешным с коммерческих позиций.

Действительно, согласно приложению № 3 к Приказу ФНС России от 30.05.2007 г. № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» (этот приказ регулярно обновляется, в частности, нами использован текст приложения № 3 в соответствии с публикацией на сайте ФНС России по адресу: http://www.nalog.ru/rn77/taxation/reference_work/conception_vnp, оно актуализировано по состоянию на 04.06.2020), налоговая нагрузка[1] для деятельности гостиниц и предприятий общественного питания в 2019 г. составила 10,5%.

Следовательно, от реализации программы туристического кэшбека в бюджет вернулось:

$$13 \times 0{,}105 = 1{,}362 \text{ (млрд руб.)},$$

а коэффициент мультипликации для бюджета составил:

$$1{,}362/1{,}2 = 1{,}1375 > 1.$$

Иными словами, «рентабельность» бюджетной поддержки российского турбизнеса составила 13,75%. Насколько значительна эта величина? Для ответа на этот вопрос вновь обратимся к официальным документам ФНС России. Согласно данным, приведенным в приложении № 4 к уже упоминавшемуся Приказу ФНС России от 30.05.07 г. № ММ-3-06/333@ (см.: https://taxslov.ru/15/n15_25.htm st4), усредненная рентабельность российского бизнеса за 2020 г. составила 9,9%.

То есть доходность бюджетных операций (в процентах) почти в 1,4 раза выше, чем средняя доходность частного бизнеса в России. Таким образом, по нашему мнению, в отношениях бизнеса и государства (в рассмотренном нами кейсе туристического бизнеса) в последнее время получает большее распространение модель отношений со стремлением сторон к достижению сходных целей. Это истинное партнерство, являющееся результатом «дрейфа» от модели «старший партнер (публичный) — младший партнер (частный)» к модели равных партнеров. Эта ситуация может трактоваться как ГЧП в широком его понимании.

Анализ опыта зарубежных стран показывает, что с течением времени происходит рост разнообразия форм партнерства, что способствует институциональной гармонизации в смешанной модели экономики, повышению ее гомогенности. Состав

[1] Рассчитывается как отношение суммы налогов и сборов по данным официальной статистической отчетности ФНС России к обороту организаций по данным Росстата, умноженное на 100%.

и структура интересов сторон (публичной и частной) эволюционируют. У бизнеса они становятся более социально окрашенными. У государства — более прагматичными и экономичными. И наблюдение за реальными процессами позволяет увидеть признаки такого рода изменений.

Первое изменение проявляется в развитии феномена корпоративной социальной ответственности [5; 6; 11 и др.]. Второе изменение наблюдается в форме развития общественного сектора экономики. По мере развития общества, его структура усложняется, в этой связи на государственные службы и агентства возлагается все большее число разнообразных функций, для выполнения которых требуются весьма много ресурсов. Это объективно приводит к необходимости разрастания госсектора. Государство экономизируется.

Таким образом, развитие ГЧП во всем разнообразии его форм служит инструментом сочетания плановых и рыночных механизмов управления в экономике на микро- и мезоуровнях ее иерархической структуры. Такого рода развитие приводит к конвергенции экономических интересов, снижению уровня их противоречивости, что создает благоприятные условия для запуска механизмов долгосрочного роста.

Литература

1. *Агамагомедова Е. В.* Проекты государственно(муниципально)-частного партнерства в развитии социальной сферы // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 4 (42). С. 25–28.
2. *Акобиров С. О.* Государственно-частное партнерство и среда его реализации // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. № 2 (44). С. 28–31.
3. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Планирование в экономике XXI века: творчески используя наследие СССР (к 100-летию Госплана СССР): доклад на международной научной конференции «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем (к 100-летию Госплана СССР)», 25–26 марта 2021 г. М., 2021. 74 с.
4. *Булатов А.* Российская экономическая модель и перспективы модернизации // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 4. С. 6–21.
5. *Вертакова Ю. В., Чулакова А. Л.* Системное управление корпоративной социальной ответственностью градообразующих предприятий // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 2 (53). С. 35–46.
6. *Голубкова Н. А.* Институционализация корпоративной социальной ответственности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 2 (104). С. 128–130.
7. *Государство* и рынок: новое качество взаимодействия в информационно-сетевой экономике / Айрапетова А. Г., Тарасевич Л. С., Максимцев И. А. и др. Т. 2. СПб. : Астерион, 2007. 424 с.
8. *Евразийская* политическая экономия / Газизуллин Н. Ф., Дятлов С. А., Камышова А. Б. и др.; Санкт-Петербургский государственный экономический университет. СПб., 2016. 767 с.
9. *Миропольский Д. Ю., Дятлов С. А., Плотников В. А., Попов А. И.* Государство и рынок: проблемы выбора подходов к управлению развитием национальной экономики // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 1 (67). С. 141–145.
10. *Плотников В. А.* Понятие смешанной экономики: эволюция развития и современная трактовка // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 2 (27). С. 8–16.
11. *Скитева Е. И., Гончаров А. И., Сопина Н. В., Лапинскас А. А.* Корпоративная социальная ответственность / Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I. СПб., 2019. 64 с.
12. *Vertakova J., Plotnikov V.* Russian and foreign experience of interaction between government and business // World Applied Sciences Journal. 2013. Vol. 28. N 3. P. 411–415.

Об авторе:

Плотников Владимир Александрович, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономическо-

го университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; plotnikov_2000@mail.ru

References

1. Agamagomedova E.V. Projects of public (municipal) — private partnership in the development of the social sphere // Theory and practice of service: economy, social sphere, technology [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2019. N 4 (42). P. 25–28. (In rus).
2. Akobirov S.O. Public-private partnership and its implementation environment // Theory and practice of service: economy, social sphere, technology [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2020. N 2 (44). P. 28–31. (In rus).
3. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Planning in the economy of the 21st century: creatively using the heritage of the USSR (to the 100th anniversary of the USSR State Planning Commission): report at the international scientific conference "Planning in a market economy: memories of the future (to the 100th anniversary of the USSR State Planning Commission)", March 25–26, 2021 M., 2021. 74 p. (In rus).
4. Bulatov A. Russian economic model and prospects for modernization // International processes [Mezhdunarodnye protsessy]. 2016. V. 14. N 4. P. 6–21. (In rus).
5. Vertakova Yu.V., Chulakova A.L. System management of corporate social responsibility of city-forming enterprises // News of Southwestern State University [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta]. 2014. N 2 (53). P. 35–46. (In rus).
6. Golubkova N.A. Institutionalization of corporate social responsibility // Izvestia of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 2 (104). P. 128–130. (In rus).
7. State and market: a new quality of interaction in the information-network economy / Ayrapetova A.G., Tarasevich L.S., Maksimtsev I.A. at al. V. 2. St. Petersburg: Asterion, 2007. 424 p. (In rus).
8. Eurasian Political Economy / Gazizullin N.F., Dyatlov S.A., Kamyshova A.B. at al; St. Petersburg State University of Economics. St. Petersburg, 2016. 767 p. (In rus).
9. Miropolsky D.Yu., Dyatlov S.A., Plotnikov V.A., Popov A.I. State and market: problems of choosing approaches to managing the development of the national economy // Izvestia of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2011. N 1 (67). P. 141–145. (In rus).
10. Plotnikov V.A. The concept of a mixed economy: the evolution of development and modern interpretation // News of Southwestern State University. Ser.: Economics. Sociology. Management [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment]. 2018. V. 8. N 2 (27). P. 8–16. (In rus).
11. Skiteva E.I., Goncharov A.I., Sopina N.V., Lapinskas A.A. Corporate Social Responsibility / St. Petersburg State University of Railways of Emperor Alexander I. St. Petersburg, 2019. 64 p. (In rus).
12. Vertakova J., Plotnikov V. Russian and foreign experience of interaction between government and business // World Applied Sciences Journal. 2013. Vol. 28. N 3. P. 411–415.

About the author:

Vladimir A. Plotnikov, Professor of the Chair of the General Economic Theory and History of an Economic Thought of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor, plotnikov_2000@mail.ru